

А. Ю. Минаков

А. С. СТУРДЗА: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ БИОГРАФИЯ ПРАВОСЛАВНОГО МЫСЛИТЕЛЯ

Статья посвящена основным этапам интеллектуальной биографии А. С. Стурдзы — русского государственного деятеля, дипломата, религиозного философа, светского богослова и публициста первой половины XIX в. Особое внимание уделяется анализу консервативной и православной публицистики мыслителя, его оригинальной интерпретации идеологии Священного союза, уточнению его идейного влияния на политику Министерства духовных дел и народного просвещения в области образования и науки, определению его роли в становлении русского консерватизма.

Ключевые слова: Российская империя, XIX в., А. С. Стурдза, Александр I, апология Православия, русский консерватизм, Священный союз.

Александр Скарлатович Стурдза (1791–1854) — государственный деятель, дипломат, религиозный философ и публицист — являлся одной из ключевых фигур интеллектуальной элиты в царствование Александра I. Однако известно о нем мало, несмотря на то, что в последние годы появилось несколько работ, специально посвященных его жизни и деятельности¹. Теоретическое наследие Стурдзы не только не издано в полном объеме — даже не установлен до конца корпус написанных им произведений². В. А. Жуковский называл Стурдзу «нашим Платоном

Минаков Аркадий Юрьевич — доктор исторических наук, профессор Воронежского государственного университета, преподаватель Воронежской православной духовной семинарии (minak.arkady2010@yandex.ru).

¹ См.: *Лямина Е.* Новая Европа: мнения «деятельного очевидца». А. С. Стурдза в политическом процессе 1810-х годов // Россия. Russia. Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII — начало XX века. М.; Венеция, 1999; *Домникова Г. М.* Александр Скарлатович Стурдза: (опыт характеристики) // Христианство и русская литература. Сб. 4. СПб., 2002; *Парсамов В. С.* Жозеф де Местр и Александр Стурдза: из истории религиозных идей Александровской эпохи. Саратов, 2004; *Минаков А. Ю.* Стурдза Александр Скарлатович // Общественная мысль России XVIII — начала XX века: Энциклопедия. М., 2005; *Минаков А. Ю.* Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011.

² *Парсамов В. С.* Жозеф де Местр и Александр Стурдза: из истории религиозных идей Александровской эпохи. Саратов, 2004. С. 8.

христианским»³, а современная исследовательница определяет его роль в 1811–1819 гг. как «не просто официального публициста, а личного рупора императора»⁴. Кем же был этот человек?

Род Стурдза являлся одним из самых влиятельных в Молдавском княжестве. Вскоре после рождения Александра Скарлатовича его семья эмигрировала в Россию. Стурдза получил домашнее образование: овладел несколькими языками, изучал богословие, философию и историю. На формирование его мировоззрения оказали влияние сочинения греческих православных богословов Евгения Булгариса и Никифора Феотокиса⁵. Высшее образование он получил, слушая лекции в германских университетах. Посредством связей своей сестры Роксандры (через статс-даму графиню Ш. К. Ливен и соседа по имению адмирала П. В. Чичагова)⁶ А. С. Стурдзе удалось проникнуть в большой свет. Роксандра же к 1811 г. стала не только любимой фрейлиной императрицы Елизаветы Алексеевны, но и confidentкой государя⁷. В доме П. В. Чичагова Стурдза встречался с его другом и всегдашним антагонистом в спорах Ж. де Местром, одним из основоположников западноевропейского консерватизма.

В дискуссии между «шишковистами» и «карамзинистами» А. С. Стурдза примкнул к сторонникам Шишкова, он являлся членом «Беседы любителей русского слова». По мнению А. Н. Шебунина, «многое из идейного обихода этой литературно-политической организации навсегда вошло в его мировоззрение»⁸. «И православие, и народность, и интерес к церковно-славянскому языку, и глубокая

³ [Жуковский В. А.] Неизданные письма В. А. Жуковского // Русский Архив. 1900. Кн. 3. № 9. С. 53. В письме к Д. П. Северину 3 декабря 1849 г. из Бадена Жуковский писал: «Уже книга Стурдзы о нашей Церкви прочтена и с великим наслаждением: есть чудные страницы. Что если бы к этому благоуханному букету цветов, собранных на луге молодости, наш Платон христианский присоединил несколько лавровых веток с древа, осеняющего его старость? Вышла бы чудная книга, книга необходимая нашему веку. В наше время более, нежели в какое другое, надобно выставить несказанную святыню нашей Церкви на поклонение христианского мира: из нее должно выйти общее преобразование. И чья рука выше подымет ее знамя и чей голос звучнее прославит ее, как не рука и не голос Стурдзы!».

⁴ Жуковская Т. Н. А. Н. Шебунин — историк, архивист, публикатор // История глазами историков. СПб.; Пушкино, 2002. С. 275.

⁵ Стурдза А. С. Евгений Булгарис и Никифор Феотокис, предтечи умственного и политического пробуждения греков // Москвитянин. 1844. № 2.

⁶ ОР РНБ. Ф. 849 (Шебунин А. Н.). Д. 91. Л. 1.

⁷ Лямина Е. Новая Европа: мнения «деятельного очевидца»... С. 137.

⁸ ОР РНБ. Ф. 849 (Шебунин А. Н.). Д. 91. Л. 3.

антиреволюционность — это что от Беседы получил Стурдза»⁹. Подобно Шишкову, Стурдза связывал строй и состояние языка с морально-политическим развитием народа, подчеркивая в то же время «разрушительные» свойства «чудовищных неологизмов», созданных эпохой Великой французской революции.

В 1809 г. Стурдза заступил на дипломатическую службу в качестве актуариуса Коллегии иностранных дел и был прикомандирован к кабинету канцлера Н. П. Румянцева в качестве секретаря. Вскоре он был назначен чиновником особых поручений, а в 1812 г. в качестве переводчика был «отряжен» к адмиралу Чичагову «для дипломатической переписки»¹⁰. В 1813 г. Стурдза был пожалован в звание камер-юнкера¹¹ и вскоре назначен дипломатическим фактотумом русского императора в Швейцарии, а в 1815 г. — статс-секретарем по иностранным делам. Роксандра Стурдза через Елизавету Алексеевну добилась от Александра I, чтобы тот включил Стурдзу в состав делегации, отправляющейся на Венский конгресс. Благодаря тем чувствам, которые питал к Роксандре Скарлатовне И. Каподистрия, Стурдза был назначен к последнему секретарем¹².

В зрелые годы Стурдза решительно отрекался от западноевропейского мистицизма и Библейского общества¹³. Однако ряд данных свидетельствует о том, что он был достаточно хорошо знаком с некоторыми известными мистиками. Сближение Александра с баронессой Крюденер произошло через Роксандру Стурдзу. В литературе имеется «фантастическая история» о якобы имевшем место заговоре мистиков и хилиастов, имевшем «целью подчинить русского императора влиянию „верующих“, сделать его главою „Нового Израиля“ и воспользоваться им для конечного осуществления своих фантастических целей», причем Роксандра якобы завербовала своего брата Александра в этот кружок и он сделался «одним из интимнейших друзей Юнга-Штиллинга»¹⁴. Здесь правдой является только то, что Стурдза через Роксандру был

⁹ ОР РНБ. Ф. 849 (Шебунин А. Н.). Д. 91. Л. 4.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 1863. Колл. форм. списков. Формулярный список Ведомства Государственной коллегии Иностранных дел. дейст. ст. сов. Стурдзы, удостоиванного к знаку отличия беспорочной службы. 1830 года. Л. 1 об.

¹¹ Там же.

¹² *Местр Ж. де*. Петербургские письма. 1803–1817. СПб., 1995. С. 49.

¹³ *Стурдза А. С.* О судьбе православной церкви русской в царствование императора Александра I // Русская старина. 1876. Т. XV. С. 272.

¹⁴ *Надлер В. К.* Император Александр I и идея Священного Союза. Рига: Н. Киммель. 1895. Т. 5. С. 325–327.

знаком с И.-Г. Юнгом-Штиллином. Вся жизнь и духовная эволюция Александра Скарлатовича свидетельствуют о приверженности православию. Если у него и случилось увлечение мистицизмом, то оно было кратковременным и не оказало на его взгляды сколько-нибудь существенного влияния. Приведем мнение В. С. Парсамова: «Мистицизм молодого Стурдзы был всего лишь данью тогдашней придворной моде и в первую очередь следствием влияния на него сестры Роксандры, допущенной в наиболее интимный круг мистиков, окружавших Александра I в 1810-е гг.»¹⁵.

В 1815 г. Стурдза вместе с И. Каподистрией, в качестве секретаря последнего, уехал в Париж, а на Венском конгрессе выступил в роли переводчика. Как вспоминал А. С. Стурдза, Каподистрия в нем «возбудил интерес к русскому народу». В их беседах с сочувствием отмечались консерватизм, религиозная настроенность и традиционная покорность русских крестьян и в то же время их способность к торговле и промышленности¹⁶. В сентябре 1815 г. Стурдза редактировал акт Священного союза. Он не мог внести в проект каких-либо новых мыслей, но «ограничился лишь поправкою некоторых выражений и редактированием проекта»¹⁷. С целью пропаганды идей Священного союза он написал на французском языке «Размышления об учении и духе православной церкви». Этот труд «Государь принял <...> благосклонно»¹⁸. Трактат Стурдзы стал первой «за продолжительное время современной апологией православия, написанной светским лицом»¹⁹. В своей книге Стурдза попытался в сжатых чертах изложить основы православия. Он полагал, что православие может сочетаться с идеей Священного союза по причине необходимости объединить силы всех христиан для борьбы «неверием рационализма». Александр Скарлатович возлагал надежды на то, что Священный союз будет способствовать духовному возрождению Европы и стремился к тому, чтобы идеология Священного союза учитывала национальные русские особенности, в частности — специфику православной религии.

¹⁵ Парсамов В. С. Жозеф де Местр и Александр Стурдза... С. 11–12.

¹⁶ Стурдза А. С. Воспоминания о жизни и деяниях графа И. А. Каподистрии Правителя Греции. М., 1864. С. 15–18.

¹⁷ Надлер В. К. Император Александр I и идея Священного Союза... Т. 5. С. 623.

¹⁸ Анфим, иеромонах. Александр Стурдза // Странник. 1864. Апрель. СПб., 1864. С. 14.

¹⁹ Майофис М. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М., 2008. С. 525.

Стурдза доказывал в своем труде, что европейские монархи с конца Средневековья явно покровительствовали рационализму с тем, чтобы ослабить Католическую Церковь, что привело к возникновению Просвещения, к ужасам Французской революции и наполеоновских войн. Победа над Наполеоном была милостью Божией, но дух революции живет в сердцах европейцев, отравленных поколениями безбожного образования. Спасение от «духа зла» Стурдза усматривал только в православии, противопоставляя его католичеству и протестантизму. Большая часть «Размышлений об учении и духе православной церкви» была посвящена «обоснованию того тезиса, что именно православие осталось верным основам христианства, заложенным в первые века его существования, между тем как на Западе исказился дух христианского учения»²⁰. Заявляя, что «независимость народов, свобода духа, успехи просвещения — совместимы с истинной религией», т.е. с православием, — Стурдза советует заняться пропагандой православия в разъедаемой религиозными распрями Германии²¹. Европе, заключает он, необходимо полное духовно-политического обновление, которое и призван осуществить Священный союз²².

«Платоном христианским» В. А. Жуковский назвал Стурдзу именно после прочтения этой книги. Сам Александр Скарлатович в своих позднейших воспоминаниях о Н. М. Карамзине утверждал, что его книга «заслужила внимание и одобрение Николая Михайловича, хотя многое выходило в ней из круга тогдашних мыслей и убеждений его»²³. «Размышления об учении и духе православной церкви» произвели «заметное впечатление на родине и еще сильнее за границей». В Петербурге Д. Н. Блудов перевел из них отрывки, опубликованные в «Журнале Императорского человеколюбивого общества». За границею трактат был переведен на немецкий, английский и греческий языки, удостоился благословения патриархов Кирилла Константинопольского и Поликарпа Иерусалимского как «труд весьма полезный для христиан»

²⁰ Парсамов В. С. Жозеф де Местр и Александр Стурдза... С. 104. Анализ книги Стурдзы см. на с. 101–113.

²¹ ОР РНБ. Ф. 849 (Шебуин А. Н.). Д. 91. Л. 12.

²² Мартин А. А. С. Стурдза и «Священный союз» (1815–1823) // Вопросы истории. 1994. № 11. С. 146.

²³ Стурдза А. С. Воспоминания о Николае Михайловиче Карамзине // Москвитянин. 1846. № 9, 10. С. 149.

православных, а у католиков эта книга подверглась «толстому опровержению»²⁴ из-за ее анти-иезуитской направленности²⁵.

В 1819 г. А. С. Стурдза осуществил попытку издать «Размышления об учении и духе православной церкви» на русском языке. Перевод книги, выверенный самим Стурдзой, сделал надворный советник Гевлич. Рукопись была представлена в духовную цензуру. Она попала к архимандриту Иннокентию (Смирнову), цензору чрезвычайно строгому, и была возвращена автору, поскольку «некоторые места в оной найдены несогласными с точным положением нашей Церкви, другие по другим причинам неудобными к изданию в свет без всякой перемены»²⁶. Таким образом, публикация перевода была первоначально остановлена одним из видных представителей «православной партии», каковым был архим. Иннокентий, который, вероятно, в тот момент воспринимал Стурдзу не как союзника, а как человека, причастного к кругу мистика А. Н. Голицына. Чтобы обойти препятствие, Гевлич, скорее всего, по согласованию со Стурдзой, выступил перед А. Н. Голицыным с просьбой «исходатайствовать ему Высочайшее соизволение на посвящение сего труда его Августейшему имени Государя Императора»²⁷.

Стурдза искренне надеялся на то, что духовная цензура точно укажет на отступления от православной традиции, а также неточности и ошибки, которые содержались в первом варианте трактата: «Жезл и палица духовная всегда вожделенны для христианина, чувствующего скудость свою и опасность ослепиться ненадежным светом разума или попасть в сети духа лести, обладающего во зле лежащим миром»²⁸.

Голицын предложил Стурдзе назвать в цензурном комитете лицо «для указания тех мест, кои по мнению ее неудобны к напечатанию в настоящем их виде»²⁹. Стурдза остановил свой выбор на митрополите Михаиле (Десницком), который вновь направил книгу в цензурный комитет³⁰. По требованию Голицына ректор Петербургской духовной академии архимандрит Григорий (Постников) в июне 1821 г. уведомил

²⁴ [Неводчиков Н., свящ.] Знакомство и переписка А. С. Стурдзы с высокопреосвященным Филаретом, митрополитом Московским. Одесса, 1868. С. 8.

²⁵ Стурдза А. С. О судьбе Православной Церкви Русской... С. 273.

²⁶ ИРЛИ РАН РО. Ф. № 288. Оп. 1. Ед. хр. 172. Архив Стурдзы А. С. Л. 1–1 об.

²⁷ Там же. Л. 1.

²⁸ Там же. Л. 2–2 об.

²⁹ Там же. Л. 1 об.

³⁰ Там же. Л. 7.

министра духовных дел и народного просвещения, что на введение и первую часть сочинения Стурдзы цензурный комитет не сделал никаких примечаний. «Часть сия, по мнению его, вообще хороша, кроме тех мест, которые исправлены в самой книге. Переводчику должно исправить только части последующие»³¹. Таким образом, цензурные препятствия были преодолены. Одновременно с подготовкой русского перевода действительный статский советник Персиани готовил перевод книги на греческий язык, причем переводчик терпеливо ждал «исправления российского текста, дабы завершить собственный свой труд по указаниям власти Духовной»³². Однако на русском языке книга так и не вышла. Возможно, что правительство посчитало выход книги, содержащей апологию православия, неуместным в связи с начинающимся греческим восстанием, не поддержанным Александром I.

Взгляды А. С. Стурдзы в основном сложились к 1816 г. Он был противником идеологии Просвещения, будучи убежден в том, что как просвещенный абсолютизм, так и либерализм одинаково опасны для традиционно-монархического миропорядка, одинаково посягают на исторически сформировавшийся, Богом сотворенный миропорядок. Как и все консерваторы, Стурдза усматривал в религии и национальном характере главные опоры общества. Религия являлась для него главным источником нравственности и существенным аспектом национальной культуры. При этом Стурдза занимал жестко православную позицию. Понимая неизбежность перемен, он, тем не менее, был категорическим противником революционных ломок. Именно поэтому он осуждал чрезмерный радикализм преобразований Петра I. По мнению А. С. Стурдзы, Петр начал цивилизовывать Россию сверху, не заботясь о фундаменте: «Россия раньше увидела Академию наук, чем начальные школы, у нее флоты и дисциплинированные армии появились раньше, чем хотя бы один просвещенный гражданин или хотя бы один судья». Кроме того, Петр с презрением относился к «нравам и обычаям народа, часто столь достойным нашего восхищения». Наконец, сама гибельная ошибка Петра I, по мысли А. С. Стурдзы, заключалась в подчинении Церкви: «...он ослабил церковь, унизив ее служителей. Таким образом, разбив вазу, напрасно надеяться сохранить ценную жидкость, содержащуюся в ней». В итоге православие не смогло «содействовать изменению нравов, распространению идей, так как существовал разрыв между умом и сердцем

³¹ Там же. Л. 10–10 об.

³² Там же. Л. 11.

нации, между старыми чувствами и новыми условиями существования»³³. Отсюда — все беды современной России. Общественным идеалом для Стурдзы выступала самодержавная монархия, освященная Церковью, со строгой сословной иерархией и цензурой, охраняющей начала религии и нравственности.

А. С. Стурдза активно занимался и литературной деятельностью, в частности, в «Журнале Императорского человеколюбивого общества» им были опубликованы «Рассуждение о благотворительности частной и общественной» и «О любви к отечеству», которые «приобрели автору одобрение благомыслящих людей»³⁴. Биограф приводит следующие слова Стурдзы: «Всего дороже было для меня суждение Карамзина. Я передал ему статьи мои, чрез посредство общего приятеля, и получил из уст его отзыв знаменитого историка самый одобрительный и для новичка лестный»³⁵.

После завершения Венского конгресса и подписания акта Священного союза Стурдза возвратился в Россию, где в начале января 1816 г. продолжил свою деятельность в Министерстве народного просвещения. Кроме того, с 1816 по 1822 год Стурдза ведал всею перепискою по «делам бессарабским, вверенным <...> графу Каподистрии в то же время в продолжении 1819 и 1820 годов исполнял данные ему по Высочайшему повелению особенные поручения по части дипломатической, правительственной и учебной»³⁶. Послужной список Стурдзы начиная с 1816 г. был богат событиями: он находился в должности члена Совета Императорского человеколюбивого общества, лично «пересмотрел немалое число учебных книг», составил первый проект устава Нежинской гимназии, редактировал устав Московского университетского Благородного пансиона. Кроме того, он разработал проект цензурного устава, «внушающий много указаний и правил новых, признанных полезными», и план «Классического Сочинения для преподавания Естественного права со всеми потребностями». Его перу принадлежали «опыт учебного Предначертания для преподавания Российскому юношеству Греческого языка, и ручная книга Христианина, одобренная Святейшим Синодом»³⁷.

³³ Парсамов В. С. Жозеф де Местр и Александр Стурдза... С. 133.

³⁴ Диктиадис. Краткое сведение о Стурдзе // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1864. Кн. 2. С. 196.

³⁵ Там же.

³⁶ РГАЛИ. Ф. 1863. Колл. форм. списков. Формулярный список Стурдзы. Л. 2.

³⁷ Там же.

По приглашению министра духовных дел и народного просвещения князя А. Н. Голицына, Стурдза с февраля 1818 г. стал принимать участие в совещаниях и деятельности Главного правления училищ. Он был также избран членом Ученого комитета, и в этом звании занимался составлением инструкций, проектов в области народного просвещения, а также пересмотром учебных книг³⁸. Ученый комитет был своего рода «мозговым центром» «сугубого» министерства. Стурдза, активно выступавший в пользу распространения религиозного образования, был ключевой фигурой Министерства духовных дел и народного просвещения. «Наставление для руководства Ученого Комитета, учрежденного при Главном Правлении училищ», составленное им 5 августа 1818 г., стало документом, который идеологически направлял всю работу Министерства духовных дел и народного просвещения. Главное правление училищ решило «утвердить инструкцию во всей ее силе, и правила, в ней заключающиеся, предоставить к точному исполнению»³⁹. Инструкция Стурдзы была направлена против одного из основных принципов университетской реформы начала XIX века — свободы научного мышления и энциклопедического характера программ высших и средних учебных заведений⁴⁰.

Главная задача инструкции состояла в том, «чтобы народное воспитание <...> направить к истинной, высокой цели, к водворению в состав общества (в России) постоянного и спасительного согласия между верою, ведением и властью: или другими выражениями, между Христианским благочестием, просвещением умов, и существованием гражданским»⁴¹. Причем, что особенно важно подчеркнуть, сам Стурдза говорил не об универсальном христианстве, а именно и только о православии. Ученый комитет рекомендует лишь православные книги: «Точную и буквальную сообразность преподаваемого православного юношеству с Никейско-Цареградским символом веры, во всем, что касается Божества

³⁸ *Диктиадис*. Краткое сведение о Стурдзе... С. 196.

³⁹ *Сухомлинов М. И.* Материалы для истории образования России в царствование императора Александра I // Исследования и статьи по истории русского просвещения. СПб., 1889. Т. I. С. 194.

⁴⁰ *Петров Ф. А.* Российские университеты первой половины XIX века. Формирование системы университетского образования: в 4 книгах. Книга вторая: Становление системы университетского образования в России. Ч. 3. М., 1999. С. 75.

⁴¹ *Стурдза А. С.* Наставление для руководства Ученого Комитета, учрежденного при Главном Правлении училищ // Журнал департамента народного просвещения. 1821. Февраль. Ч. 2. С. 187–188.

и Святой, Соборной и Апостольской нашей церкви <...> православное учение о всех заповедях Божиих и правилах церковных, без всякого произвольного истолкования, не обретаемого в утвержденных Церковию книгах, сколь бы впрочем сии толкования или применения ни были благовидны»⁴². Следует особо отметить, что наставление это было одобрено митрополитом Филаретом (Дроздовым), о чем сам А. С. Стурдза вспоминал впоследствии так: «Когда князь Голицын возложил на меня составить руководство ученому комитету для рассмотрения и введения учебных книг по всем отраслям науки, — я, написав свой проект, тотчас отправился в лавру, явился в келью Филарета и вместе с ним читал мое предначертание. Он показался мне чрезвычайно довольным: взор его прояснился; но все-таки оставалось нечто загадочное во всем его существе»⁴³. Знакомство Стурдзы с митр. Филаретом произошло двумя годами ранее, в 1816 г.: с тех пор как они заседали вместе в Императорском человеколюбивом обществе и Главном правлении училищ. Особенно сблизил их разбор рукописи книги Стурдзы «Размышления об учении и духе православной церкви»⁴⁴. Одобрение митр. Филарета не могло быть случайностью.

Десекуляризация образования, за которую выступали консерваторы, предполагала существенные ограничения в преподавании философии и естественного права. Стурдза по этому поводу утверждал: «Философические книги о нравственности и началах общественной жизни, изоцряя умы и возвышая сердца учащихся, не должны вмещать в себе ничего независимого от единого источника благих нравов: веры в Бога, Спасителя нашего; то есть, Комитет обязан допускать в преподавании токмо те книги о нравственной Философии и умозрительном Законодательстве, кои не отделяют нравственности от веры, кои не восписуют добродетелей и учреждений гражданских чуждому источнику; одним словом те, кои не противоречат практическому Христианству»⁴⁵.

Таким образом, преподаванию философии изначально ставились весьма жесткие идеологические рамки. Философия могла быть только христианской и никакой иной. Подобное отношение к философии было в целом характерно для консерваторов. По общему мнению, революция

⁴² Там же. С. 196–197.

⁴³ [Неводчиков Н., свящ.] Знакомство и переписка А. С. Стурдзы с высокопреосвященным Филаретом... С. 4.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. С. 198.

1789 года была продуктом французской философии. В этом не сомневались ни радикалы, ни либералы, ни консерваторы. В одном из писем 1815 г. Ж. де Местр писал: «Ныне Европа угнетена и раздавлена бандою философов без морали, без религии и даже без разума, набрасывающихся на любое понятие о субординации и стремящихся лишь к низвержению любой власти ради того, чтобы самим занять ее место, ибо по существу дела речь идет только об этом»⁴⁶. Гонения на Церковь воочию показали, что революция — дело сатанинское. Это борьба не на жизнь, а на смерть между христианством и философией⁴⁷.

В «Наставлении для руководства Ученого Комитета, учрежденного при Главном Правлении училищ» Стурдза также писал, что теорию естественного права, основанную «на ложном понятии о некоем первобытном состоянии человека, в котором он уподобляется животным, также надлежит отвергнуть. Сие учение может быть излагаемо в виде гипотезы, облегчающей ход науки, так как в Географии полагаются линии на шаре земном, для удобнейшего исчисления времен и расстояний. Но в то же время неосновательность сей гипотезы надлежит обнаружить, и сделать очевидною. Ложные учения о происхождении верховной власти не от Бога, а от условия между людьми, подлежат тому же отвержению»⁴⁸.

В 1821 г., по поручению Голицына, А. С. Стурдза попытался разработать альтернативную концепцию естественного права, которая не противоречила бы истинам христианства и не вела к отрицанию монархического принципа. Он был вполне согласен с консервативной критикой книги А. П. Куницына «Право естественное», в которой доказывалась готовность России к конституции⁴⁹. Сам же Стурдза исходил из того, что «естественное право <...> подойдет под разряд практического Богословия» и что «возможно будет направить преподавание сей науки к истинной цели»⁵⁰. Им было написано «Начертание методы для преподавания естественного права». Естественное право должно было излагаться в соответствии с духом христианским.

⁴⁶ Местр Ж. де. Петербургские письма... С. 276.

⁴⁷ Шебунин А. Н. Европейская контрреволюция в первой половине XIX века. Л., 1925. С. 33.

⁴⁸ Стурдза А. С. Наставление для руководства Ученого Комитета... С. 199.

⁴⁹ Бокова В. М. Эпоха тайных обществ. М., 2003. С. 93; ИРЛИ РАН РО. Ф. 288. Оп. 1. Ед. хр. 8. Архив Стурдзы. Л. 1 об.

⁵⁰ Там же. Л. 2–2 об.

С точки зрения Стурдзы, естественное право необходимо было вначале подвергнуть критике с точки зрения христианского вероучения, а затем — изложить с точки зрения христианской догматики. Он с порога отвергал гипотезу о «первобытном состоянии человека, будто бы естественном, и в котором находят источник всех его нужд, прав и обязанностей»: «Нигде не обретаем мы следов, сего мнимого состояния свободы и отрешения от уз общественных. Баснословные предания о каком-то златом веке доказывают единственно, что человек всегда и везде чувствовал первоначальное отпадение свое от Бога, и потерю прав на совершенное блаженство. — В самых сих преданиях видны следы общежития; но мирного и безмятежного, с которым Боги, то есть существа небесные, принимали участие. Напротив того естественное состояние человека вне общежития предполагает войну, необузданность, — одним словом: право сильного»⁵¹. Стурдза утверждал, что в первобытном состоянии (*Status naturae*) «человек вне общества подвергается неминуемой гибели с самой колыбели своей. Вражда стихий и сильнейших животных посягают на его бытие. Разум, силы телесные и даже самое слово его остаются в усыплении и ничтожестве, без содействия и примера ему подобных. — Сверх того, отвергая учреждение общества самым Богом, нельзя же отвергнуть семейственного сожития. Ибо вне семейства человек погибает в самом детстве своем. — Но между двумя семействами возникают узы родства, то есть первый опыт общежития; а в каждой семье является сама державная отеческая власть, охраняющая бытие всех членов. — По мере размножения рода человеческого расширяются узы свойства между семействами. — Древнейший, опытнейший и многочаднейший родоначальник, по самой необходимости соделывается верховным отцем отцев семейств, то есть патриархом, или иначе: по праву божественному и естественному Царем»⁵². Из подобной критики теории естественного права Стурдза выводил необходимость и историческую укорененность монархии: «Везде не только в Азии, но и в самой Греции существовало единодержавие много столетий до введения Демократии»⁵³. «Но если общежитие приписать первобытному соглашению личных прав и выгод (*Contrat social*) — то восходя к младенчеству народов, следовало бы находить везде следы народоправления, а не самодержавия. — Обратясь же к умственным доводам, и вникая в сущность

⁵¹ Там же. Л. 6–6 об.

⁵² Там же. Л. 7–8.

⁵³ Там же. Л. 10.

вещей мы скоро удостоверимся что нет ничего невероятнее сего важного совещания между естественными людьми. — в котором дикари радостно отдают известное за неизвестное, свободу за повиновение, ощутительную самовольность ради отвлеченного понятия об общежитии. Принимая даже возможность такового оглашения, нельзя не признать, что оно бы рушилось на следующий день, — ибо нет ничего непостояннее воли человеческой; и в сем раздоре и междоусобие возникающей гражданства неминусемо бы погибли»⁵⁴.

В 1818 г. большое влияние на активизацию деятельности консерваторов в области образования и цензуры оказали события в Германии: студенческие волнения в германских университетах и смерть писателя А. Коцебу, считавшегося агентом русского правительства и убитого студентом К. Зандом. На совещании министров германских государств в Карлсбаде был принят целый ряд мер против университетских прав и свобод: ограничена автономия университетов, запрещены любые тайные общества в них, резко усилен надзор уполномоченных правительством чиновников над профессурой и студенчеством. Если профессор обвинялся в неблагонадежности по донесению этих чиновников, то он подлежал немедленному увольнению, причем никакое из германских государств не должно было предоставлять ему кафедры; исключенных студентов запрещалось принимать в другие университеты и т.д. Одновременно вводилась цензура для всех периодических изданий. Инициатором всех мероприятий был К. Меттерних⁵⁵. Консервативный поворот в Германии сказался и на некоторых внутривнутриполитических мероприятиях в России. Впрочем, и до событий в Германии политика в области просвещения и цензуры во всё большей степени приобретала консервативную направленность.

В 1818 г. Стурдза, считавшийся знатоком германского вопроса, принял участие в Карлсбадской конференции, на которой обсуждалось положение, вызванное студенческими беспорядками в университетах Пруссии, а затем — вновь в качестве эксперта по германскому вопросу — на Аахенском конгрессе Священного союза. Александр I дал Стурдзе поручение составить для участников конгресса особую записку, в которой давалась бы оценка событиям сложившейся предреволюционной

⁵⁴ Там же. Л. 10 об.—11.

⁵⁵ Феоктистов Е. М. Магницкий. Материалы для истории просвещения в России // Русский вестник. 1864. № 6. С. 467; Сухомлинов М. И. Материалы для истории образования России... С. 179.

ситуации в Германии. Негласным консультантом Стурдзы во время его работы над запиской был Ф. фон Баадер⁵⁶. Записка Аахенскому конгрессу первоначально была напечатана только для членов конгресса, в количестве 50 экземпляров, ее должны были раздать в обстановке строгой секретности. Но против воли конгресса и самого Стурдзы записка в конце 1818 г. попала в *Times*, а оттуда была перепечатана немецкими газетами.

В «Записке о нынешнем положении Германии» (ноябрь 1818 г.) Стурдза предложил новую модель университета, существенно отличающуюся от протестантской модели, которая существовала в России. С его точки зрения, новая модель исключала бы превращение университетов в центры революционного движения. Немецкие университеты характеризовались Александром Скарлатовичем как «ответшальные руины средневековья», «объединения без смысла и цели, составляющие государство в государстве», объявлялись скопищем «всех заблуждений века»; именно они, по его мнению, продлили жизнь «всем несправедливым теориям, всем обманым учениям, плачевный опыт применения коих уже разочаровал большую часть наших современников». Стурдза утверждал: «В университетах позволено все, что угодно. Юношество, избавленное от власти законов, предается всем бесчинствам — плодам вольнодумства и испорченной нравственности»⁵⁷. Происходило это, по мнению Стурдзы, потому, что в университетах «богословие стало врагом религии; толкование Писания превратилось в профанацию священнейших истин; медицина уже протягивает свой ланцет к святилищу душ, юриспруденция открыто признает правоту за сильнейшим»⁵⁸. В качестве основных мер, призванных «осушить источник зла», Стурдза предлагал отменить все академические привилегии, ограничить свободу печати, особенно для газет, а главное — отменить университетскую автономию: «Профессора, собираясь на совещания, не должны иметь исключительного права принимать и увольнять своих коллег, ибо в этой среде крайне редко избирают равного и никогда — того, кто их превосходит. Это голосование следует подчинить окончательному решению правительства, интересы коего несводимы к интересам отдельных людей»⁵⁹. В противном случае

⁵⁶ Парсамов В. С. Жозеф де Местр и Александр Стурдза... С. 163.

⁵⁷ Стурдза А. С. Записка о нынешнем положении Германии. Ноябрь 1818. // Россия: Культурные практики в идеологической перспективе. Вып. 3. М.; Венеция, 1999. С. 153, 154.

⁵⁸ Там же. С. 153.

⁵⁹ Там же. С. 153–154.

всей Европе грозит распространение революционного движения, вылившегося в Германии в студенческие демонстрации.

Хотя речь шла о германских университетах, меры, предлагаемые в записке, должны были осуществляться и в России, разумеется — с учетом ее специфики.

Большинство положений «Записки» А. С. Стурдзы были одобрены кабинетами Австрии и Пруссии. Иначе отнеслись к ней радикалы и либералы. Они не могли примириться с тем, что «иностранец вмешивается во внутреннее устройство Германии и является истолкователем ее нужд перед лицом европейского конгресса»⁶⁰. В итоге инициатива Стурдзы невольно спровоцировала террористические акты против правительственных чиновников со стороны немецких студентов. Наиболее громким делом такого рода было убийство в марте 1819 г. студентом Зандом публично защищавшего идеи «Записки» Стурдзы А. Коцебу, которого либеральное общественное мнение подозревало в шпионаже в пользу России.

Сам А. С. Стурдза был вызван в апреле 1819 г. на дуэль двумя немецкими студентами, но отказался от участия в ней. Перенеся серьезную операцию на глазах, в апреле 1819 г. он покинул Германию, возвратился в Россию и уединился в семейном имении Устье. Миссия Стурдзы на Аахенском конгрессе, тем не менее, была высоко оценена Александром I: он был награжден орденом св. Владимира. В октябре 1819 г., на фоне поднявшейся в Западной Европе революционной волны, к Стурдзе был прислан адъютант с императорским повелением — написать политический обзор 1819 года. Окончив этот труд, Стурдза занялся делами, касавшимися Бессарабии. Живя в своем имении и в следующем, 1820 году, во время конгресса в Троппау, он, от имени императорского кабинета, письменно изложил замечания о восстании в Испании и в Неаполе и о внутренних делах Вены, за что произведен был в действительные статские советники. Министры приглашали его лично в Троппау — на конгресс государей; но по причине болезни он туда прибыть не смог. Не меньшее участие в государственных делах принимал он и во время конгресса в Лайбахе.

В 1821 г. Стурдза подал прошение о бессрочном отпуске в связи с плохим состоянием здоровья, после чего надолго поселился в Одессе. В последующие годы он полностью посвятил себя литературной

⁶⁰ Сухомлинов М. И. Материалы для истории образования России... С. 183–184.

и благотворительной деятельности. Он также содействовал образовавшемуся в Одессе женскому благотворительному обществу.

В апреле 1828 г. Стурдза был послан в Бухарест для заведывания походной канцелярией министра иностранных дел и проведения административных преобразований в Дунайских княжествах во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. После Андрианопольского мира 1829 г. Стурдза вышел в отставку и окончательно поселился в Одессе, посвятив себя литературной, общественной и благотворительной деятельности.

В 30-е гг. XIX века он развил целую теорию превосходства сельского образа жизни над городским. По его мнению, промышленность, торговля и города не имели, в отличие от земледелия, «постоянного, спасительного влияния <...> на судьбу, характер и нравственное развитие человечества»⁶¹. Напротив, «земледельческая гражданственность» доминировала над «искусственным бытием, доставляемым одной торговлею»⁶². Государства, основанные на земледелии, были, с его точки зрения, долговечнее и прочнее остальных, поскольку на земледелии «утверждается самобытность народов», а торговля и промышленность «могут занять в быту общественном, не первое, но второе, подчиненное и следовательно, условное лишь место»⁶³.

В огромной степени зависящий от климата и погоды земледелец ближе к Богу, он чувствует над собою «десницу Всевышнего», учится смирению, «страху Божию, покорности, младенческой вере и сыновнему упованию»⁶⁴. Земледелец — естественный патриот: «В народах, обреченных землепашеству, любовь к отечеству неискоренима»⁶⁵. Россия же, с точки зрения А. С. Стурдзы, являлась одной из тех стран, которые, будучи преимущественно земледельческими, «приняли на сцене мира венец первенства нравственного не подверженного быстрому увяданию и упадку, постигающему Коммерческие Государства»⁶⁶. Стурдза считал, что промышленность и торговля необходимы там, где земледелие не может прокормить население; только в этом случае «верховная власть, соображая обстоятельства времени и места, должна прибегнуть

⁶¹ Стурдза А. С. О влиянии земледельческих занятий на умственное и нравственное состояние народов. Одесса, 1834. С. 155.

⁶² Там же. С. 158.

⁶³ Там же. С. 163.

⁶⁴ Там же. С. 164–165.

⁶⁵ Там же. С. 169.

⁶⁶ Там же. С. 159.

к заведению мануфактур, к усилению мореплавания или к правильной, зрело обдуманной системе повременных переселений»⁶⁷. Подобного рода взгляды сходны с идеями физиократов, но это лишь внешнее сходство. Для физиократов земледелие является лишь ориентированным на рынок занятием. Для Стурдзы же и других консерваторов само существование деревенского уклада имело самостоятельное значение и органично вписывалось в систему консервативного образа мыслей и стиля жизни. Антикапиталистические мотивы превосходства крестьянского, земледельческого, деревенского образа жизни над торгово-промышленным, городским, вплоть до отрицания последнего, вообще говоря, довольно характерные для русского консерватизма даже и в XX веке (достаточно вспомнить творчество писателей-«деревенщиков»), были впервые в столь отчетливой и яркой форме сформулированы именно А. С. Стурдзой.

В воззрениях консерваторов можно найти черты откровенных фобий в отношении промышленного производства и городского образа жизни. С точки зрения Стурдзы, для городской цивилизации характерны «туманная атмосфера условного бытия», «яростное, мятежное состязание и злопамятство», «пагубное забвение близости Божией», «которыми обыкновенно заражены бывают сословия высшие, живущие в волшебном кругу вымышленных утонченных потребностей»⁶⁸. Стурдза не жалел красок, чтобы описать «страдальческий образ жизни» «фабричного класса» в Англии, Франции, Голландии и Германии, который приводил его в «содрогание и ужас»⁶⁹. Эти люди виделись ему физиологическими и нравственными вырожденцами, обреченными на телесную и духовную нищету, болезни и разврат. Стурдза утверждал, что «корень зла таится в самом образе жизни, в свойствах изысканной, вынужденной промышленности, в ложном, донныне господствующем убеждении, что торговая промышленность есть душа Государств» (курсив А. С. Стурдзы. — А. М.)⁷⁰.

В конце 30-х гг. под влиянием ряда личных невзгод Стурдза вынашивает мысль о принятии монашеского пострига. С этого времени он пишет по преимуществу на религиозно-философские и церковные темы, ведет пропаганду православия, полемизирует с представителями других христианских конфессий, а также создает портреты-биографии

⁶⁷ Там же. С. 161.

⁶⁸ Там же. С. 165.

⁶⁹ Там же. С. 166.

⁷⁰ Там же. С. 167.

своих современников: Н. В. Гоголя, Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, А. Н. Голицына и др. 13 июня 1854 г. Стурдза скончался в Манзыре, своем имении недалеко от Одессы.

Источники и литература:

1. ИРЛИ РАН РО. Ф. 288. Оп. 1. Ед. хр. 8.
2. ИРЛИ РАН РО. Ф. 288. Оп. 1. Ед. хр. 172.
3. ОР РНБ. Ф. 849 (Шебунин А. Н.). Д. 91.
4. РГАЛИ. Ф. 1863. Колл. форм. списков. Формулярный список Ведомства Государственной коллегии Иностранных дел. дейст. ст. сов. Стурдзы, удостоиванно-го к знаку отличия беспорочной службы. 1830 года.
5. *Анфим, иеромонах*. Александр Стурдза // Странник. 1864. Апрель. СПб., 1864. С. 6–57.
6. *Бокова В. М.* Эпоха тайных обществ. М.: Реалии-пресс, 2003. 656 с.
7. *Диктиадис*. Краткое сведение о Стурдзе // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1864. Кн. 2. С. 193–205.
8. *Домникова Г. М.* Александр Скарлатович Стурдза: (опыт характеристики) // Христианство и русская литература. СПб., 2002. Сб. 4. С. 250–278.
9. *Жуковская Т. Н.* А. Н. Шебунин — историк, архивист, публикатор // История глазами историков. Межвузовский сб. науч. трудов, посвященный 70-летию доктора ист. наук профессора, заведующего кафедрой Российской истории СПб-ГАУ Евгения Романовича Ольховского. СПб.; Пушкино, 2002. С. 270–281.
10. [Жуковский В. А.] Неизданные письма В. А. Жуковского // Русский Архив. 1900. Кн. 3. № 9. С. 5–54.
11. *Лямина Е.* Новая Европа: мнения «деятельного очевидца». А. С. Стурдза в политическом процессе 1810-х годов // Россия. Russia. Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII — начало XX века. М.; Венеция, 1999. С. 135–157.
12. *Майофис М.* Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 800 с.
13. *Мартин А. А. С.* Стурдза и «Священный союз» (1815–1823) // Вопросы истории. 1994. № 11. С. 145–151.
14. *Местр Ж. де.* Петербургские письма. 1803–1817. СПб.: Инапресс, 1995. 336 с.
15. *Минаков А. Ю.* Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета. 2011. 560 с.
16. *Минаков А. Ю.* Стурдза Александр Скарлатович // Общественная мысль России XVIII — начала XX века: Энциклопедия. М., 2005. С. 522–523.
17. *Надлер В. К.* Император Александр I и идея Священного Союза. Рига: Н. Киммель. 1895. Т. 5. 643 с.

18. [Неводчиков Н., свящ.] Знакомство и переписка А. С. Стурдзы с высокопреосвященным Филаретом, митрополитом Московским. Одесса: Гор. тип. А. И. Мамонтова, 1868. 48 с.

19. Парсамов В. С. Жозеф де Местр и Александр Стурдза: из истории религиозных идей Александровской эпохи. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2004. 180 с.

20. Петров Ф. А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 2: Становление системы университетского образования в первые десятилетия XIX в. М.: МГУ; ГИМ, 2002–2003. 815 с.

21. Стурдза А. С. О влиянии земледельческих занятий на умственное и нравственное состояние народов. Одесса: Гор. тип., 1834. 22 с.

22. Стурдза А. С. Воспоминания о жизни и деяниях графа И. А. Каподистрии Правителя Греции. М.: Унив. тип., 1864. 205 с.

23. Стурдза А. С. Воспоминания о Николае Михайловиче Карамзине // Москвитянин. 1846. № 9, 10. С. 145–154.

24. Стурдза А. С. Евгений Булгарис и Никифор Феотокис, предтечи умственного и политического пробуждения греков // Москвитянин. 1844. № 2. С. 145–154.

25. Стурдза А. С. Записка о нынешнем положении Германии. Ноябрь 1818 // Россия: Культурные практики в идеологической перспективе. Вып. 3. М.; Венеция, 1999. С. 145–157.

26. Стурдза А. С. Наставление для руководства Ученого Комитета, учрежденного при Главном Правлении училищ // Журнал департамента народного просвещения. 1821. Февраль. Ч. 2. С. 187–206.

27. Стурдза А. С. О судьбе православной церкви русской в царствование императора Александра I // Русская старина. 1876. Т. XV. С. 266–288.

28. Сухомлинов М. И. Материалы для истории образования России в царствование императора Александра I // Исследования и статьи по истории русского просвещения. Спб., 1889. Т. I. 528 с.

29. Феоктистов Е. М. Магницкий. Материалы для истории просвещения в России // Русский вестник. 1864. № 6. С. 464–498.

30. Шебунин А. Н. Европейская контрреволюция в первой половине XIX века. Л., 1925. 231 с.